

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ГИРЕНОК

Родился 17 марта 1948 г. на Алтае.

В 1971–1976 гг. учился на философском факультете МГУ.

В 1979 г. окончил аспирантуру философского факультета МГУ.

С 1980 г. – младший научный сотрудник Центрального Совета философских семинаров при президиуме АН СССР.

С 1984 г. – старший научный сотрудник, а с 1989 г. – ведущий научный сотрудник Центрального Совета философских семинаров.

С 1990 по 1992 гг. – ведущий научный сотрудник ИНИОН АН СССР.

С 1992 г. – ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

С 1999 г. – профессор кафедры философской антропологии философского факультета МГУ.

Докторская диссертация – «Экология как феномен самосознания цивилизации» (1989).

Сочинения:

- Экология, цивилизация, ноосфера. – М., 1997.
- Русский космизм. – М., 1990.
- Судьба русской интеллигенции. – М., 1991.
- Ускользящее бытие. – М., 1994.
- Метафизика пата. – М., 1995.
- Картография дословности. Патология русского ума. – М., 1998.

• Антропологические конфигурации философии // Философия хозяйства. – 2001. – №1.

Персональный сайт: <http://www.fedorgirenok.narod.ru/>

ФИЛОСОФСКИЙ МАНИФЕСТ АРХЕОАВАНГАРДА

Археоавангард

Всякая мысль есть движение языка из пустого в бессмысленное. Или, по-русски говоря, есть движение из пустого в порожнее.

Движение можно понимать как мета-фору. Как перенос значений. Поэтому в метафоре – мысль у себя дома.

Если бы не было пустых слов, пустых смыслов и пустых значений, то не было бы и переноса значений, не было бы имен. И тогда мир был бы полностью означен. И появился бы язык с полным набором имен, но на нем невозможно было бы мыслить. На нем можно было бы говорить, но ничего нельзя было бы сказать.

Человек, который создает язык мысли, называет себя философом. А его язык становится философским.

Пустота предстает в речи философа как тавтология. Как повторение одного и того же. А повторение ничего не прибавляет. И в этом смысле оно может быть нулевым. Из множества дискурсов философия выбирает нулевой дискурс.

У нуля нет собственного бытия. Следовательно, он может быть точкой отсчета. А движение языка может быть направлено к нулю либо от нуля. Но и в том, и в другом случаях тождественность уступает место метонимии. Движению.

Перебор метафор бесконечен. Нет ни одной метафоры, которая сама по себе могла бы выступить завершающей метафорой. Следовательно, любая философия может быть переосмыслена только метафорически, т.е. в результате наращивания нового слоя метафор. На метафору отвечают метафорой.

Поиск базисной метафоры может быть завершен, если обнаружены антонимы. Предел метафорического движения мысли. Его дно. Это дно предстает как антиномия.

Выпадение из бесконечности переноса смысла обесмысливает смыслы. Пустота тавтологии завершается пустотой нонсенса. Бессмыслицы.

Пульсация языка между пустотой нуля и пустотой бессмыслицы через ряд метафор и составляет язык философии.

В соответствии с четырьмя точками интенсивности философской мысли, т.е. тавтологией, метафорой, антонимом и нонсенсом, я выделяю четыре модуса антропологии. Четыре способа засекаания мысли человека о себе самом.

Никто еще не сталкивался с человеком. Не имел опыта непосредственной встречи с ним. Все видели его следы, а не его самого. Вот это обстоятельство и позволяет говорить о поиске человеком самого себя в модусе ускользающего «что». В этом модусе человек становится человеком без надежды когда-либо им стать, ибо он есть как человек без тела. Без органов. Куда бы он ни посмотрел, везде он видит не себя, а свои следы. Человек, который идет к себе по своим следам, никогда не придет к себе. В ситуации безнадежности пространством идентификации становится тавтология. Я есть Я. Я удостоверяет себя в своем существовании удвоением самого себя. И поэтому антропологическая тавтология плодотворна. В модусе ускользания всякое Я оказывается именованным пустым местом. И одновременно воронкой бытия. Проколом. Тем местом, в котором исчезает реальность. Все, что имеет статус вещи, исчезает в пустом Я. И появляется как виртуальная реальность на другой стороне прокола. Теперь реальность – это образ реальности. Все, что она о себе рассказывает. Что она о себе думает. А не то, что есть.

Виртуальная реальность – это, конечно, иллюзия. Но реальная. Она выходит за пределы субъективной реальности. Ибо субъективная реальность – это реальность, относительно которой ты определен как субъект. А виртуальная реальность

появляется в момент утраты нашей субъектности. В момент антропологического сна.

В модусе ускользания знаки человека обнаруживают пустой объект. Я. Знак перестает отсылать к объекту и начинает отсылать к другому знаку. Знак, отсылающий к другому знаку, может приостановить свой бег в бесконечность. И начать отсылать к самому себе. В рефлексивности *самоотсылы* возникают симулятивные складки реальности. В этих складках и существует человек. То есть, человека нет как удостоверенной подлинности. Возможно, никогда и не было. Была только симуляция человека. Некая антропологическая виртуальность. Пока человек становится человеком, он не существует. Ибо то, что существует, не становится. А то, что становится, не существует, т.е. попадает в модус ускользающего бытия.

Не обнаружив себя как «что», можно положить это необнаружение как привилегию несуществования второго порядка. Что ведет к изображению человека в модусе расширения его природы. В этом модусе создается эффект независимости человека от случайных свойств его тела. То, что возвращает его к самому себе. Он смотрит на свой образ, узнает и конституирует себя в качестве человека без свойств. Поэтому он никогда не есть то, что он есть. Символ расширяет первичное имя места человеком и в этом расширении происходит оседание смыслов, связанных с поиском базисных метафор и антонимов личности.

Из того факта, что ты есть в один момент времени, никак не следует, что ты будешь и в другой момент времени. Значит должна быть сила, поддерживающая непрерывное существование человека. Сама эта непрерывность понимается в виде цепочки порождающих актов. Человеку всякий раз заново необходимо определять в себе что-то человеческое.

Извлекать себя из чувства, мысли, культуры. Что помещает его и удерживает в модусе непрерывного рождения? В этом модусе человек существует как музыкальное произведение. В момент исполнения. Когда первые такты сыграны и уже не звучат, а ты только начинаешь слышать целое музыкального произведения. Если книга, для того, чтобы быть, нуждается в акте понимающего чтения, музыкальное произведение – в акте исполнения, то человек *бытийствует* исполнением своего собственного бытия. Этим актом выполняется понимающее бытие. Выполнить свое назначение – значит сыграть самого себя. Исполнить.

В модусе непрерывного рождения человек понимается как жест. Как то, что самим собой всякий раз заново начинает новый ряд событий. Доопределяется. Для того, чтобы человек стал тем, что он есть, требуется мистериальная практика рождения всякий раз заново. Эта практика образует трансцендентный шов антропологической реальности. В модусе непрерывного рождения отказываются от языка готовых значений. Смыслы становятся неопределенными. Жест прокладывает человеку путь в бессмыслице *антиномии*.

В модусе заполнения человек мыслится как вещь среди других вещей. В этом модусе возникает позитивный шов антропологической реальности и становится возможным научный способ представления человека. У человека обнаруживаются свойства. И тело. Избегая пустоты, человек начинает описывать себя в терминах «вещь – свойство – отношение». Предполагается, что в каждый момент времени человек представлен всеми своими качествами. Их нужно только обнаружить. Выявить. Для этого используется сила движения метафор, язык готовых смыслов и значений.

В модусе заполнения пустого над категориями вещного ряда антропологической реальности надстраивается системный ряд и процессуальный.

«Человек есть то, что он есть». Это антропологическая тавтология. Она позволяет уйти от языка-диктатора. Ускользнуть от него. Он тебе навязывает себя, а ты ему подставляешь тавтологию. Борьба с языком начинается с тавтологии. В речи это определяет паузу. В тексте – интервал. В коммуникации – молчание. Пропуск. Или задержку реакции.

Тавтологии позволяют отойти от универсалий и основанных на них суждений и заняться теорией именования. Имена нуждаются в месте и пустоте. Тогда как суждения нуждаются во всеобщем и переносе значений. Если я не использую язык, то и язык не использует меня. Ведь когда я говорю, я объективирую себя. Другой, используя момент, хватает меня за язык и осмысливает. И читает меня, как книгу. А я не книга. Я – не язык. Человек – не текст.

Молчание языка сопровождается твоим молчанием. И из этого молчания мы наблюдаем. Мы смотрим друг на друга. И ждем, кто первый заговорит. Кто заполнит паузу: язык или человек. Заполнение паузы человеческим в человеке составляет содержание новой антропологии, полагающей сон языка. Пока язык спит, человек *косноязычит* в паузе языка.

Во время паузы, в перерыв возможно появление того, что называют бытием. Это бытие является простым. Потому что оно не сопровождается языком. Просто бытие человека косноязычно. В паузе языка археоавангард *засекает* человека. Пока молчит язык, говорит что-то человеческое. Косноязычное в своей наивности. А бытие ускользает в быт. В будни повседневности. В подлинность дома.

Если модерн полагает себя в монопольном языке, в *метанафракциях*, а постмодерн – во множестве языков, то археоавангард полагает себя в паузе. В дословном. Пауза – это то, что делает человека человеком.

Если философия – это встреча с дословным и попытка дать слово дословному, то философскую антропологию нужно строить в терминах археоавангарда.

Для этого нужно отказаться от *метанафракций*. От того, что делает антропологию легитимной. Благодаря чему еще ничего не сказано, а несказанное уже оправдано. Признано. Археоавангард не накладывает запрет на другие дискурсы. Все, что я говорю, заранее допускает все, что говорилось и будет говориться о человеке. Все это я буду называть ситуацией совместимости. Или абсолютного безразличия ко времени.

Если мы стремимся к суждениям, которые ничего не прибавляют и ничего не отнимают, то это значит, что археоавангард строит антропологию нулевого дискурса. Только в пространстве нуля нельзя обмануть и быть обманутым. Нулевому дискурсу не надо вступать в соревнование с другими дискурсами. Ему нет надобности искать согласия. Ибо ты никому не противоречишь. Археоавангардной антропологии безразлично как принуждение к истине, так и разногласия всех возможных истин.

Когда ты используешь содержательный язык, то язык использует тебя как содержание. И поэтому язык – это кровожадный диктатор. Он все время навязывает себя. Ставит тебя в зависимость от себя. Ибо ты у него что-то берешь взаймы. И возвращаешь с процентами.

Археоавангард порывает с языковыми содержаниями. Молчание-пауза смещает нас от антропологической тавтологии к антропологической пустоте.

Пустота – это условие того, чтобы что-то сдвинулось. Сместилось. Случилось. То есть пустота узнается по сдвигу. По смещениям. Она этим смещением держится.

Пустота не заполнена причинами. Это мир заполнен причинами. То есть пустота – это не вещь, принадлежащая миру. Не отсутствие вещи, а пафос мира. Причины в нем появятся потом, вторым шагом. А пустота – это первое произведение. В нем ты свободно делаешь то, что иным образом сделать нельзя. Если бы ты мог делать иначе,

то делал. В каждом акте свободы есть пафос пустоты. Благодаря пафосу мира, или пустоте, возможна антропологическая свобода. Возможен человек.

Свобода – это всегда что-то пустое. Нетелесный эффект взаимодействия вещей. Некое незанятое место. Экологическая ниша. Пустое трактуется как незанятое, а незанятое – как свободное. Свободное же проявляется только двусмысленно: на одной стороне как незанятое, а на другой – как готовность занять незанятое. Вот эта двойственность и накладывает запрет на то, чтобы антропологическая пустота понималась как простое отсутствие человека. Человек есть как пафос человека. Есть то, что может находиться в состояниях, для которых нет причин. Ибо нет причин для того, чтобы были люди. А они есть. Бывают. И пустота – условие такого бытия.

В антропологии пустота, задаваемая тавтологиями, может пониматься как пространство возможных встреч с самим собой. Человек – это пустое желание человека стать полным. Нельзя заполнить пустоту, не отказавшись от встречи с самим собой. Только пустота возвращает тебя к себе. И ты узнаешь себя. И говоришь – это «Я».

Пустота – онтологическое зеркало человека. То, что манит и заманивает возможностью увидеть себя, бросить на себя взгляд и выдержать его. Пустота составляет горизонт бытия человека. К самому себе ведет не жизнь, наполненная событиями и смыслами, а опустошение жизни. Смывание преград на пути к себе.

Пустота – экзистенциальный центр. То, откуда мы выходим и куда идем. И это естественно. Пульсирующие ритмы опустошения заставляют тебя помнить о себе. О том, что ты есть. Неестественно выйти из экзистенциального центра и не вернуться к нему. То есть забыть себя. Свое имя. Пустое нельзя означить сцеплениями фонем. Ибо означить – значит заполнить пустоту. Не дело семиотики знакомить с результатами опустошения. Это дело нулевой коммуникации. Например, дело Иова и немоты его неозначенного. Бог создал человека и пустоту как его зеркало. Но он забыл дать ему язык. Человек создал язык и закрыл зеркало. Бог – в человеке. Человек – в языке. А между ними пустота, за которую нужно платить словом. Означенным. Ничто внутреннее не дано помимо языка. Изнутри пустое понимается как то, что находится в модусе теперь, когда уже все случилось. И одновременно как то, что помещено в момент, когда еще только все начинается. Бытие существует в режиме ускользания. А если бытие ускользает, то остается временное. Преходящее. И в этом смысле условное. Во времени обнаруживаются следы слова. По следам слова никуда нельзя придти в силу ускользания бытия. Временному как условному противостоит дословное. Слово раскололо бытие. И ум теперь на пути к безумию. Спасти ум от безумия может заумь неозначенного, нулевой коммуникации.

Философская мысль пульсирует между тавтологией и нонсенсом, пустым смыслом и бессмыслицей, рождая метафоры и антиномии. Философия никогда не может быть завершена и исполнена. Ибо это обозначало бы, что она исполнена в пространстве одной метафоры. Сведена к простому содержанию, которое всегда случайно. Указанное обстоятельство является решающим для философской антропологии.

Во-первых, нельзя узнать, что такое человек из самого феномена человека. Его нужно уже знать. Заранее. Так же, как заранее нужно знать, что такое театр, чтобы вычитать театральное действие из хаоса всех возможных действий.

Во-вторых, человек никогда не может быть завершен. И поэтому не может быть одного универсального языка описания человека. Оправдание сдвига от *моноязыка* к множественности языков рассмотрения человека составляет содержание перехода от модерна к постмодерну.

Ничто нельзя определить по содержанию. Ибо такое определение представляет сам предел как содержание. А у любого содержания есть свой предел. Нельзя человека определять по содержанию. Содержательно человек будет существом с двумя ногами и без перьев. Таким, каким его увидел Платон.

Плодотворность тавтологии основана на различении подлежащего и сказуемого. Одно и то же может быть различено в тавтологии как подлежащее и как сказуемое. Эта различенность позволяет языку зафиксировать движение мысли. Это обстоятельство было проанализировано Шеллингом в работе «О сущности человеческой свободы». Философы плохо понимают смысл закона тождества. Смысл связки в суждении. Например, тело есть тело. Это тавтология. Здесь тело появляется два раза. Один раз как единство. Другой раз как отдельное свойство. Между ними то же отличие, что и между человеком и сыном человека. Одно свернуто. Другое развернуто.

В русском языке «пустой» человек представляется как человек поверхностный. Взбалмошный. Пуст тот, у кого одни слова и ничего нет за душой. Человек, открыв слово, освобождает себя от мира. От вещей самих по себе.

«Слово по сути своей всегда пребывает словом, и только ради нас делается как бы плотью и плотски ведет свои разговоры до тех пор, пока тот, кто понимает его в таком виде, постепенно не поднимается словом выше и не оказывается, наконец, в состоянии... созерцать начальный и высочайший его образ». В этих словах Оригена указывается на ловушку для простаков. Тавтология слишком высока, ее заменили метафорой. Христос – это живая метафора, которая увлекает и ведет к начальному образу. От образа – к первообразу, который тавтологичен. И в этом смысле неозначен. Говорят не слова. Когда они говорят, мы не понимаем. «И лишь молчание понятно говорит». Это уже заметил В. Жуковский, учитель И. Киреевского.

Язык не является тем, что ближе всего к человеку. Это не дом бытия человека. Ибо в нем были и оставили следы многие. Язык – это проходной двор. В нем не живут. Им пользуются.

Никто не может быть субъектом языка. Потому что никого из нас еще не было, а он уже был. И ждал. Никто не минует его. Язык, как разбойник, поджидает каждого. И либо ты сумеешь создать свой язык, либо тебя ждут готовые значения и смыслы. Следы миллионов в языке. Но если ты создаешь свой язык, то ты создаешь барьер пониманию. И ты выходишь из модуса забвения. Естественно, что люди понимают друг друга. Потому что никто не имеет своего языка. И поэтому непонятно, как возникает непонимание у безъязыких. Удивительно, что иногда кого-то еще нельзя понять.

Философ – это человек, у которого есть свой язык. Человек, которого нельзя понять. Язык не может помочь тебе стать собой. Он может растворить тебя в себе. Человек – не язык. Если бы он был языком, то не было бы непонимания. Не было бы философов. А они есть. Следовательно, человек – существо неязыковое, т.е. он больше, чем язык. Неязыковое существо не может поместить себя в языке, не высовываясь за пределы языка. Ни один человек не может быть редуцирован к языку. Никто не выживет в этой маленькой конуре.

Человек всегда идет к себе. Ищет себя и свое место, если у него нет дома. Поэтому-то он никогда не есть то, что он есть. Бездомность человека заставляет его быть в движении. Кочевать. Идти – значит падать. Падение является условием движения. Человек идет к себе, если падает и переставляет ноги, чтобы не упасть.

Человек оседлый не идет к себе. И поэтому не падает, а стоит. И не может иначе. Пока он стоит, он настоящий, а не временный. Не в движении. Кто идет к себе, тот уходит от себя. Хотя нужно всего лишь установиться. Стать настоящим в настоящем.

Очевидное возможно в опыте стоящего настоящего. А опыт требует удостоверения со стороны сознания. Или со стороны существования, как мистерии. А это значит, что истина возможна как на стороне сознания, так и на стороне существования.

Плодотворность антропологической тавтологии

Ничто человеческое не должно определяться по содержанию. Человек – это не птица. И не животное. С родо-видовыми отличиями. И не ангел. Человек – это человек. То, что бывает человеком. Бессодержательность человека затрудняет его восприятие. Ведь легко воспринимается содержание. Присутствие. Нарушение тавтологии, а не само тождество. Впервые на этот факт обратили внимание киники. И обнажились. И устроили поиски человека. То есть поисками человека существует человек. Но ищут то, чего нет. Что скрывается. Так вот человек *бытийствует* в терминах своего отсутствия. Пустоты. Если бы человек был определен по содержанию, то он был бы определен в пространстве и времени в терминах присутствия. Но человек – это то, чего нет, что уже было и может быть еще будет. Поэтому человек есть существо, именующее себя человеком. В именовании того, чего нет, совпадают язык внешнего наблюдения и язык самоописания. Совпадения языка делают антропологическую тавтологию плодотворной. С нее начинается тождество существования и описания существования.

Место человека всегда пусто. Всякая мысль имеет своим началом пустоту тавтологии. Ничто нельзя определить по содержанию, не представляя сам предел как содержание. Пример содержательного определения человека мы находим у Платона, указавшего на существо с двумя ногами и без перьев. У Платона мы находим два способа рассмотрения: прямое и окольное. Мифологическое. Прямое заставляет нас видеть в человеке животное. Этим взглядом обусловлено существование горизонта науки. Мифологическое рассмотрение делит человека пополам. Один человек – это всего лишь полчеловека. И никакой общипанный петух не может опровергнуть такое определение.

Аристотель, назвавший человека политическим животным, методологически делает то же, что и Платон. Либо человеком можно назвать того, кто причастен идее человека, и тем самым дать начало мысли. Либо нужно выставить некое случайное содержание в качестве всеобщего.

Невозможно содержательно объяснить человека, исходя из него самого. Хотя бы потому, что человек никогда не может быть завершен. Тавтология позволяет строить мысль о человеке вне зависимости от того, пройдена содержательная бесконечность или не пройдена. Она дает точку отсчета. Нуль. С нулевого дискурса начинается движение философской мысли. Нуль отсылает к самому себе. Себя обозначает. В нулевом дискурсе то, о чем, и то, чем говорится, неразличимы. Но именно потому в пространстве нулевого дискурса можно говорить о самих вещах в терминах очевидного. И нельзя говорить о языке говорения. Нулевой дискурс реализуется в разговоре с самим собой, задавая момент нулевой коммуникации. В этот момент свернуты как план указания, так и планы выражения и обозначения. Неозначенное нулевой коммуникации показывает себя в образе. В картине, а не в слове. Не в абстракции.

Ничто не мешает мыслить человека и как то, и как это. То есть метафорически. Но при одном условии, что он есть всегда и не то, и не это. Любое его содержание оказывается пустым. Местом, где человека уже нет. Череда пустых мест задается тавтологически. Любая точка содержания может быть точкой отсчета. Нулем. Любая, но одна.

В нуле приостанавливается рассуждение о реальности. И нуль уже не определяет все остальное посредством самого себя. В нем ничто переходит границу и уничтожает бытие. Ведь нуль – это то, чего нет и что одновременно есть, как обозначенное словом «нуль». Свести к нулю как точке отсчета значит раздвоить, полагая нуль в качестве чего-то третьего, и при помощи двойного отрицания опустошить и то, и это.

Ноль – точка остановки. Переход за ноль выступает как метафора. Как жест. Человек всегда находится в пространстве жеста.

Новая антропология начинается с изучения жеста, с отрицания как того, так и этого. Следовательно, с трансгрессии нуля. В жизни человек – и то, и это. Оно есть как содержание. В жесте человек – и не то, и не это. То есть он предел. Граница. Например, предел языка. Нечто *невыговариваемое. Несказуемое*. Немое настоящее. То, что стоит, как подлежащее нулевой коммуникации. Нестоящее идет и проходит. Поэтому человек – это не процесс, не то, что идет. А то, что стоит. Остановилось. Настоящее не раскладывается в последовательность знаков. В порядок ряда. Ибо в этом порядке видна условность временного, скрыться от которого можно лишь в паузе языка. В пустом месте стоящего. В нулевой коммуникации неозначенного. Чтобы управлять порядком, не нужно истину ставить против истины, бытие против бытия. Для этого достаточно видимости истины. И кажимости бытия достаточно для того, чтобы управлять бытием.

Указующая на себя пустота – это Я. Имя места. Ни одно Я не может быть объектом, заполняющим это место. Место Я всегда пусто. Оно существует как слово, обозначающее то, чего нет. Как ноль. В самоименовании Я отождествляется субъект и объект, реальность и рассказ о реальности.

Именуемое себя меняется и существует как поименованное, хотя именуется тем, чего нет. Именование совершает переход от тавтологии к метафоре. Вернее всякую тавтологию уже можно представить как некое именование. При этом тождественность тавтологии «Я есть Я» состоит в самоименовании. Тавтология Я является ключом ко всем тавтологиям, ибо в ней смыкаются существование и язык.

Я есть чистое имя места. То, что никогда ничего не прибавит и не убавит. Я как пустое место, указывающее на себя, может быть зеркалом. Его нельзя заполнять. В нем не может быть ничего содержательного. Если бы в Я появилось содержание, то мы перестали бы что-либо видеть. В пустом Я отражается весь мир. Все сущее. Кроме самого Я, ибо оно и не является сущим, а только тем, что поименовано в своем существовании.

Поэтому никакое Я не узнает себя в себе. Среди существующего нет Я. На месте Я – дыра. Пустое место. В составе Я нет содержания. На месте содержания мы видим имя места. Дыру, в которую проваливается сущее. И еще есть какая-то непреднамеренная координация указанных пустот. Вернее, есть две стороны одной пустоты. И Я в этой шкале может быть представлено в качестве онтологической воронки вглубь бытия.

Само по себе Я – это не псевдоструктура сознания. Оно вообще может быть несвязанным с сознанием. Это не пустое слово языка. Хотя оно и является пустым словом. Я – мировая дыра. Самоименованное несуществование. Онтологический ноль, в котором мышление поворачивает к себе. А бытие – к себе.

На уровне мысли Я опустошает бытие. Дает начало пустым событиям и смыслам. А на уровне бытия оно опустошает язык. Дает начало пустым словам и мыслям.

Знаки перестают отсылать к объекту. Ибо его место пусто. И тогда один знак начинает отсылать себя к другому знаку, а не к означаемому. Возникает пространство симуляций.

Я узнает себя как Я только в пустоте. И это знание удостоверено. Я всегда опережает цепь означающих, т.е. Я всегда находится в будущем по отношению к означенным состояниям. Попытка установить место, которое только что было, приводит к порождению цепочки таких мест. Я как бы убегает. Скользит по цепи означающих, где Я только что было. Но его уже нет.

Возвращаясь из бесконечности в определенном имени (личном имени), Я уже не обнаруживает себя на прежнем месте. Из себя самого Я может выбрать только себя. Выбирает и промахивается, указывая на то место, где оно только что было. Промах оставляет след. Как слово. Как имя.

В социуме каждому Я присваивается имя, которое не является актом *самоименования*. Появляется пустое имя. Псевдоним. То, что обладает квазиреальностью. Квазиреальность заполняет пустоту Я. Восполняет нехватку бытия в полноте.

Вообще-то Я как пустое место всегда анонимно. У него отсутствует имя. Для того, чтобы у Я появилось имя, нужно разрушить тавтологию мышления. Заполнить пустоту. Перестать быть Я. И стать содержанием.

Если Я именуется другим, то оно входит в пространство поименованных других. Вступает в дискурс Другого. Я сводится к языку Другого. Ибо у него нет собственного имени. Нет собственных значений. А речь, в которой Я не имеет собственных значений, является пустой. Каждому нужно вернуть себе имя. Дать его себе, чтобы речь стала полной. Для этого надо совершить трансгрессию нуля. Пересечь ноль. Для каждого Я другой – это он. Я – точка *измерения*. Отсчета. Некий ноль. Другой, измеренный из нулевой точки Я – это он. Но измерить Другого – значит свести его к нулю. К пустому месту. Приравнять Другого к Я. Приблизить. Другой, приближенный к Я, – это ты. Удаленный – это Он. Кто ты? Я. Ты и Я совпадают. Это теперь мы. Но, обращаясь к социуму, Я видит не себя. Оно существует как зеркало для поименованных других.

В социуме изменение места определяется как социальное положение и социальный статус. Благодаря самоименованию ты всегда не там, где тебя именуют. Остается цепочка следов – мест твоего отсутствия. Все, что поименовано, не направлено к другому имени. Нужно вернуть себе имя. Чтобы с ним вернуть себе и речь. Очевидно то, небытие чего немислимо. А это Я. Означающее без означаемого. Я есть предел существования социума Его ноль. Не сосчитанное в счете. Сосчитанные другие – это и есть социум. Выпадение Я из социума – это нехватка социума. Его дыра.

Я как точка отсчета, как ноль вне социума. А это значит, что социуму всегда чего-то не хватает. Ему не хватает Я. У пустого Я нет имени. Ему присваивают имя, которое не является его собственным именем. Появляется пустое имя.

Это псевдоним. Как бы имя. Оно *квазиреально*. Квазиреальность заполняет пустоты реальности. Заполняет нехватку в полноте бытия.

Я как пустое место выражает анонимность Я. Отсутствие имени. Но Я имеет имя в процессе *самоименования*. А в социуме имя ему дает другой.

Антропология метафоры

Человек не есть то, что он есть. Чтобы содержательное мы не узнали о человеке, это знание будет только метафорой.

Метафора понимается метафорой. Ряд метафор бесконечен. Поэтому понимание не может быть завершено в ряду метафор.

В непрерывном движении метафор происходит забвение экзистенциального центра. В нем отворачиваются от зауми неозначенной нулевой коммуникации. От онтологического зеркала.

Пустое именование места растворяется в операции по конъюнктивному заглаживанию бесконечных содержаний. Что ведет к распаду плодотворной антропологической тавтологии. Я не узнает себя. Лишается имени. И существует анонимно. Как метафора.

В погоне за метафорой, уводящей в бесконечность, Я оставляет только один путь к себе. Язык. Теперь вне языка никакого Я не существует.

Язык описывает и создает описываемое. Метафора предстает как коммуникация означенного, в которой внутреннее совпадает с внешним. Антропологическая конфигурация метафоры запрещает наблюдать внутреннее помимо слова. Разговор с самим собой становится невозможен.

Внутренний мир человека становится миром слова. А в силу невозможности окончательного переноса значений слова оказываются пустыми. Пустые слова опустошают внутренний мир. Извлекают его на поверхность и редуцируют к означенному в коммуникации с другим.

Метафорическое движение означенной мысли не оставляет места словам-утешениям. Потому что слова-утешения находятся в неозначенной нулевой коммуникации, которая дает о себе знать в языке тела.

Антропологическая конфигурация метафоры выдавливает внутренний мир во вне. Приравнивает его к слову, к тому, что задается словами. И только в этой конфигурации человек может пониматься как язык. Что позволяет осмысливать его и анализировать извне.

Перенос значений ведет к разрыву между вербальным языком и языком тела.

Если бы человек был только языком значений, то не было бы обмана. И самообмана. Не было бы разрыва между тем, что ты видишь, и тем, что есть. Пока человек воображает, он находится за пределами языка. Если бы он не был за пределами, то идеалы не превращались бы в идолы, и не было бы различия между тем, что есть, и тем, что есть для тебя.

До тех пор, пока кто-то говорит, что он не такой, каким его видят, что он иной, а ему говорят, что он себя не знает, и что он такой, каким его придумывают, – возможен обман. И человек не существует как язык. И цели не совпадают с результатами. И что-то сопротивляется языку. И люди не понимают друг друга. Это что-то есть неозначенное в своей заумности.

Неозначенное нулевой коммуникации составляет общину. Сцеплениями знаков и значений существует общество. В первом случае мы имеем дело с дословным человеком. Во втором – с вербальным. С личностью.

Метафора лишает тавтологию привилегии быть точкой отсчета. И поэтому любая метафора может полагаться как начало. Но это начало не равно нулю. И поэтому оно должно быть сосчитано в счете.

Конфигурация метафоры полагает только периферию. Содержательная периферия везде. Пустой центр нигде. Все маргинально в антропологии метафоры.

Любая метафора существует как трансгрессия нуля. Переход за ноль. *Пробегание* точки поворота. Метафорическая мысль не рефлексивна. Она забывает остановиться. И обернуться. Совершить поворот к самой себе. Между тем рефлекс сидит всегда в точке нуля. И потому он не забывает обернуться.

Перенос имен субъектов и объектов возможен в пустоте. Метафора боится пустоты и старается заполнить нехватку имен.

Когда язык обращается к себе и не обнаруживает в себе имени, тогда он создает его совмещением. Переносом. Метафора – это значение. А значение есть у слова.

Именованье – это заполнение пустого. Схлопывание пустоты в метафоре. В соединении двух имен. Поэтому конфигурация любой метафоры двоятся. Мерцает. Перемигивается.

Имен может быть бесконечно много. И одно имя ограничивает другое. Указывает на его предел. И тем самым оно его опустошает. Ибо на пределе все сущее перестает быть тем, что оно есть.

Наличие двух противоположных имен завершает цепочку метафор. И следовательно, завершает формирование смысла. А завершённый смысл – это пустой смысл.

В метафорической конфигурации смысл находится всегда между знаками, его выражающими. И поэтому его никогда нет там, где его ищут. В означенном. Он всегда уже не здесь. Уже ускользнул от одного знака к другому.

Содержательное мышление начинается и заканчивается метафорой. В метафоре оно у себя дома. Это мышление полагает предел как случайное содержание.

Абсолютный предел полагается в Я. На этом пределе происходит опустошение всех смыслов. Негация. Что составляет горизонт существования трансцендентальных практик. Но Я как абсолютный предел задается на уровне тавтологии. Трансцендентальное мышление работает с чистыми значениями. Оно не знает неозначенную дословность. Трансцендентальный наблюдатель не является частью системы. Он вне системы наблюдаемого и поэтому в содержательных практиках не объясним. Он сам все объясняет.

Если абсолютный наблюдатель вне системы наблюдения, трансцендентальный – на пределе системы, то имманентный находится внутри системы, но как пустое место. В дискурсе абсолютного наблюдателя мир может быть замещен наблюдением наблюдателя за самим собой, которые понимаются как описания мира. Трансцендентальное описание мира – это описание чистых значений. Имманентный наблюдатель сообщен с неозначенностью нулевых коммуникаций.

Антоним

Содержательное существование человека завершается антонимом.

В антониме останавливается бег метафоры в бесконечность. Обнаруживается дно. Предел. Базисная метафора. На уровне антонимов происходит оседание смыслов. Создается язык готовых значений.

Человек сбывается в языке, если теряет право на свое мышление.

Антропологический антоним представлен в предельных точках существования человека: Я и Бог. Место Бога всегда занято.

Место человека всегда пусто. А значит и место истины всегда пусто. И своей пустотой взывает к тем, кто мог бы лишить эту пустоту пустынности.

Бинарное мышление требует третьего: границы. Предела. Бытие и сознание противоположны. Бытие – не граница сознания. А это значит, что они не трансцендентальны. А бытие и небытие трансцендентальны. Предельны по отношению друг к другу.

Антонимы можно связать тождеством. Так делал Шеллинг. Он отождествлял совершенное и несовершенное. Добро и зло. Свободу и необходимость. Ум и глупость.

Ибо несовершенное существует не благодаря тому, что несовершенен в нем и что делает его несовершенным, а лишь благодаря содержащемуся в нем совершенству. Равно как и зло. Само по себе оно бессмысленно. Оно не в состоянии существовать само через себя. И поэтому то, что есть в нем сущее, есть добро. А значит и Бог принимает участие в деле зла.

В отождествлении антонимов возникает предельный смысл. Смысл, за которым нет отсылки к другому смыслу. Ибо предельный смысл – это пустой смысл, а пустота не требует пересмотра.

Пустой смысл – это граница. То, где все заканчивается. Это конец концов. Поверхность. Или кожа мысли.

Нонсенс

Например, слово «преданный» означает верность и одновременно измену. Полнота существования завершается бессмыслицей. Вот есть существование и еще есть речение о существовании. Так вот бессмыслица относится к речи. К невозможности дальнейшего рассуждения. Существование как бы вылезает из-под навалившегося на него рассуждения. И вот оно само. В его подлинности и очевидности.

Человек есть бесконечный тупик. Пустой атом. Разъединительный синтез. Человек есть то, что не может быть. Он существует в невозможности существования. Как кентавр. Или химера.

Антропологический смысл существования нонсенса в том, чтобы сделать возможным рождение смыслов. Для этого нужно пережить неопределенность взвешенного состояния смыслов и значений.

В точке парадокса поток жизни поворачивается. И обращается к самому себе с вопросом о своей сути.

В этой точке язык становится объектом для самого себя. А перенос значений осуществляется как перенос имен субъектов и объектов. Я есть зеркало этого переноса.

Антропология нонсенса

Полнота существования завершается бессмыслицей. Невозможностью дальнейшего существования.

В пространстве нонсенса мысль меняет кожу. Слова отделяются от существования. И оно пребывает само по себе в его дословной перманентности и очевидности.

Существование без того, что сверху, без поверхности, становится жестовым.

Человек в порядке бессмыслицы есть в качестве того, что не может быть. Он существует неозначенным существованием.

Нонсенс отказывается от языка готовых смыслов и значений, что делает возможным рождение смыслов. Переводит их существование во взвешенное состояние.

Шагом в бессмыслицу рождаются смыслы. Но потом. Вторым шагом. Уже на уровне метафоры и антонимов. Смыслы вне оседания образуют патовые пространства действий.

Немая речь

1. «Ничто не вынуждает нас говорить». Говорим. Все говорят.
2. Автор – говорящая дословность. Он есть то, что он есть путем говорения.
3. Немая речь – это бытие. Бытие, говорящее о бытии.
4. Немая речь не нуждается в понимании сознания другого.
5. Важно выявить вещи, которые *сами собой говорят*. Эти вещи источник красноречия. Вещи красноречиво молчат.
6. То, что мы видим в них, есть понимание того, что видим.
7. Здесь мысль и предмет мысли – одно и то же. Это немая речь. В сознании – это разные предметы.

8. Немая речь вещей заполняет быт. Быт есть выполненное сознание. То есть здесь оно работает не по принципу отражения, а по принципу выполнения.

9. В немой речи есть слова, говорящие о том, для чего нет слова. Когда нечего говорить, мы говорим – это совесть.

10. То, что мы не можем сказать, это и есть бытие, говорящее о бытии.

11. Либо ничего не говорится. Либо через меня. *Не мной, а через меня.* Через меня – принцип немой речи. И по отношению к сказанному я такой же, как и другой.

12. Никому не дано знать то, что ему удалось сказать (написать).

13. Всякий путь ведет дальше своей цели. Потому что пути ведут дальше цели.

14. Немая речь не допускает в себя рефлексии над собой.

15. Немая речь – целомудренна.